

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	9
СФЕРА ПЕРВАЯ: ВЗРАЩЕНИЕ СЕМЬИ	
Кашалоты	15
СФЕРА ВТОРАЯ: СОТВОРЕНИЕ КРАСОТЫ	
Красные ара	181
СФЕРА ТРЕТЬЯ: УСТАНОВЛЕНИЕ МИРА	
Шимпанзе	303
Эпилог	467
Благодарности	472
Примечания	475
Избранная библиография	496
Предметно-именной указатель	498

*Чем лучше какой-нибудь наблюдатель изучил нравы
данного животного, тем большее число поступков он приписывает
разуму и тем меньшее — незаученным инстинктам*.*

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН. Происхождение человека и половой отбор

---

* Пер. И. Сеченова.

ВВЕДЕНИЕ

Стая красных ара пылающими кометами вырывается из гущи тропического леса — десятки крупных, ярких птиц с длинными хвостами и роскошным оперением, многоцветье которого бьет по глазам, как вспышка. Сопровождая свой эффектный выход шумным криком, как фанфарами, они рассаживаются по вершинам крон над крутым речным берегом. Шумные, игривые, самодовольные — они явно от души наслаждаются и самими собой, и всем происходящим. Даже в стае легко разглядеть, что некоторые птицы держатся устойчивыми парами. За одной такой парой следует третья птица — пухлый, немного неуклюжий птенец из последнего выводка, который все время пристает к родителям, выпрашивая корм. Молодые ара годом старше уже обрели некоторую независимость и ведут себя более прилично — если, конечно, можно понимать под приличным поведением манеру повисать вниз головой и шумно дурачиться, заигрывая с соседями. Они уже успели кое-что усвоить и понемногу начинают строить собственную юную жизнь.

Малыш шимпанзе едет на материнской спине к водопою. Сухой сезон в самом разгаре, и воду можно найти лишь в уцелевших кое-где мелких мутных лужах. Воздух плавится от жары. Утро обезьяны провели на большом плодовом дереве далеко отсюда. Группа проделала долгий путь через лес и теперь изнемогает от жажды. Мать срывает клочок мха, скручивает его в нечто вроде губки, окунает

в лужицу, потом кладет в рот и высасывает влагу. Юный инфант спрыгивает с родительницы и нетерпеливо тормозит ее, требуя отдать губку ему. Он тоже сует ее в рот. Получив бесценный урок того, как можно утолить жажду в засуху, он приникает к матери, и они отдыхают вместе. Чуть позже детеныш найдет своих друзей и власть пообщается с ними.

А тем временем в тропическом море глубиной в три километра беззащитная малышка-кашалот ждет у залитой солнцем поверхности воды свою мать, которая отправилась на охоту за кальмарами в холодную, чернильно-непроходимую бездну сотнями метров ниже. Как воздушный шарик на ниточке, малышка следует за матерью, не видя ее, но улавливая щелчки материнского сонара. Ее охраняет тетя — она держится рядом, ожидая своей очереди нырнуть и поохотиться. При первых же признаках угрозы на призыв детеныша откликнется вся семья, она придет на подмогу из темно-синих глубин.

Истории, рассказанные в книге, — это истории о культуре животных. Естественное и врожденное — не совсем одно и то же. Чтобы стать теми, кто они есть, многим животным приходится учиться у старших: усваивать необходимые для жизни навыки, приспосабливаться к местным условиям, а еще — овладеть наукой эффективного общения в этой конкретной группе и в этом конкретном месте. Такая культурная преемственность позволяет распространять полезные умения (например, способность отличать съедобное от несъедобного и добывать пищу), определять свою идентичность, чувствовать принадлежность к определенной группе (отличной от других групп), а также передавать из поколения в поколение традиции, важные для тех или иных аспектов существования (например, ритуалы успешного брачного ухаживания, которые в разных местах могут различаться).

Если кто-то в сообществе владеет знанием, что безопасно, а чего следует избегать, имеет смысл научиться у него действовать «как положено». Попытка постигнуть азбуку жизни самостоятельно,

например разобраться, какая пища ядовита или какие враги действительно опасны, может обойтись недешево. Поэтому для представителей одного вида выгодно полагаться на социальное обучение и усваивать готовые, многократно испытанные и надежные рецепты.

До сегодняшнего времени культура оставалась скрытой и крайне недооцененной стороной жизни обитателей дикой природы. А ведь для многих видов культура необычайно важна — и в то же время она очень уязвима. Утрата культурного знания, которое было наработано многими поколениями и передавалось от родителей к потомкам, может наступить гораздо раньше, чем численность вида снизится настолько, чтобы угроза его выживания стала *явной*.

Эта книга — о том, куда культура привела Жизнь (под Жизнью с большой буквы я подразумеваю все живое на Земле, в самом широком смысле) в ходе ее долгого странствия из глубины времен. Вот вам, кстати, одна из ее изумительных тайн: яркое оперение попугаев ара — почему нам кажутся красивыми те же формы и краски, что и самим птицам? Жизнь развила в себе способность не только воспринимать, но и создавать красоту, а также стремление к красоте задолго до появления человека. Откуда на Земле появилась тяга к прекрасному? Такой вопрос подводит нас к поистине удивительному выводу, что красота — тоже часть эволюции. Мы убедимся в этом на многих примерах, которые встретятся нам в предстоящем путешествии. Сейчас я скажу лишь, что, когда однажды воскресным вечером я сидел и писал и на меня вдруг снизошло осознание, что мы упускаем роль красоты как движущей силы эволюции новых видов, клянусь, у меня волосы встали дыбом.

Теми, кто мы есть, нас делают не только гены. Культура тоже форма наследственности. Культура хранит важнейшую информацию — только не в геноме, а в знаниях. Этот массив знаний — навыки, предпочтения, умение петь и владеть орудиями, диалекты — передается из поколения в поколение, как факел. Сама культура меняется и эволюционирует, причем зачастую повышая приспособленность видов гибче и быстрее, чем это удастся генетической

эволюции. Особь наследует набор генов только от родителей, а вот культуру она может перенять у любого члена своей социальной группы. Разница только в том, что культура не дается от рождения. Но, поскольку она способствует выживанию, она направляет и генетическую адаптивность.

В мире животных, населяющих Землю, пестрый ковер генетического разнообразия покрыт еще одним пластом — пластом усвоенного знания, о значении которого люди даже не подозревают. Социальное обучение существует повсюду вокруг нас. Вот только заметить его непросто — нужно долго и внимательно присматриваться. Эта книга и есть один такой пристальный взгляд на вещи, которые обычно трудно разглядеть.

Мы увидим, каким образом животные, будь то кашалот Пинчи, ара Табаско или шимпанзе Муса, живут своей жизнью в дикой природе, сознавая себя частью определенного сообщества, в котором принято поступать определенным образом. И еще мы увидим, как в этом сложном и изменчивом мире культура дает ответ на вопрос, как правильно жить там, где ты родился.

Мы, люди, учимся «правильно жить» у других людей. Но и вороны тоже учатся — у других воронов. И обезьяны учатся у своих сородичей, и киты. И попугаи. И даже пчелы. Считать, будто другие живые существа лишены культуры, только потому, что она не похожа на человеческую, — все равно что считать, будто они не общаются, потому что не владеют членораздельной речью. Конечно, они общаются — только *по-своему*. И культура у них тоже своя. Я вовсе не хочу сказать, что они воспринимают жизнь так же, как ее воспринимаете вы. Ни одна жизнь не похожа на другую. Я лишь говорю, что инстинкты имеют свои пределы; многим животным приходится *учиться* почти всему, что нужно, чтобы быть собой.

Киты, попугаи и приматы, с которыми нам предстоит познакомиться, воплощают собой три главные сферы культуры: индивидуальность и семья, красота и ее значение, социальные противостояния и культурные способы смягчить их. Все перечисленные виды, а также многие другие, с которыми мы встретимся на этих страницах, станут

нашими учителями. От каждого из них нам предстоит перенять что-то, что расширит наше представление о том, каково это — жить в чуде, которое мы бесцеремонно именуем «наш мир».

Погружаясь в дикую природу, вглядываясь в жизнь разных существ и их сообществ, мы получим редкую и совершенно бесценную возможность украдкой заглянуть за завесу Жизни на Земле. Постигая, каким образом знания, умения и обычаи передаются между животными, мы по-новому увидим то, что постоянно происходит вокруг, пусть и незаметно для человеческого взгляда. И это поможет нам получить ответ на самый насущный из всех вопросов: кто они, наши спутники в путешествии на одной общей для всех планете? С кем мы делим свой дом?

Наша экспедиция вот-вот начнется. Вы готовы?

СФЕРА ПЕРВАЯ: ВЗРАЩЕНИЕ СЕМЬИ

КАШАЛОТЫ

Говорят, море холодно, но море заключает в себе самую горячую, самую неистовую кровь*.

Д. Г. Лоуренс

Сильвия помолчала.

А потом в какой-то момент повернулась к Шейну и сказала: «Ты ощущаешь бремя доверия, которое киты оказывают тебе».

Это было именно то, что он всегда чувствовал, но не мог уловить, не мог выразить словами. А Сильвия всего одной фразой объяснила ему, почему он здесь.

И, едва сойдя на берег, он сразу позвонил жене. Она сняла трубку и по голосу тут же догадалась, что он плакал.

Он сказал: «Наконец-то я понял».

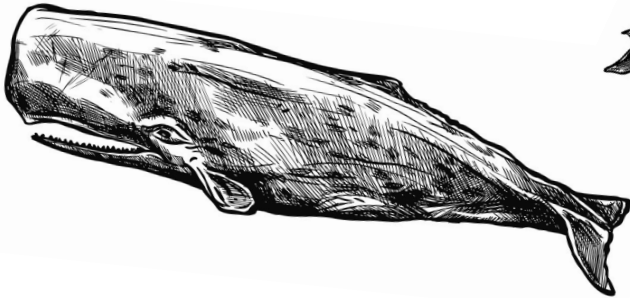
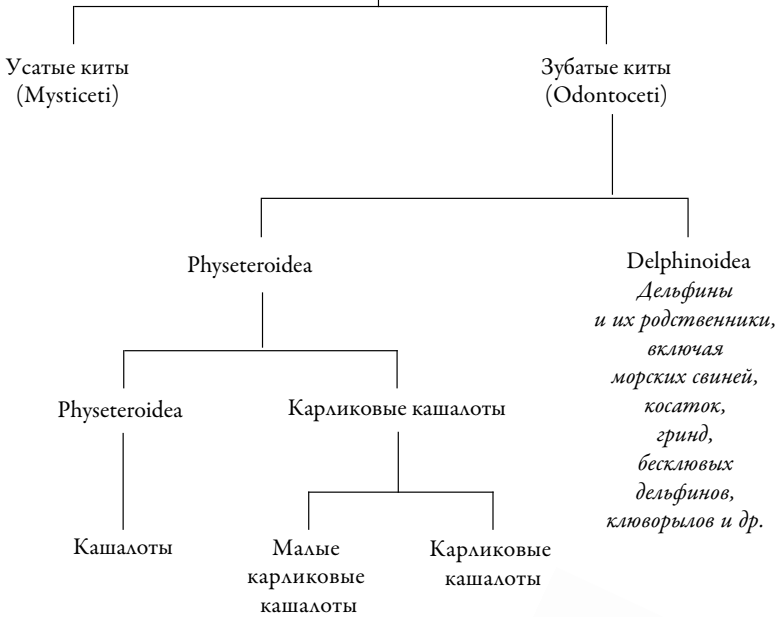
А она попросила: «Расскажи мне, что случилось».

---

* Пер. А. Грибанова.

КАШАЛОТЫ

Китообразные
(Cetacea)

СЕМЬИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Гармония подобная живет в бессмертных душах... мы ее не слышим*.

Уильям Шекспир

В восемь утра под нами уже глубокий океан. Мы находимся на так называемом уровне моря, как будто океан — всего лишь поверхность, условная нулевая отметка высоты, над которой возвышается все, что действительно имеет значение, — как мы, например, существующие в воздушной среде. На самом же деле мы просто скользим по поверхности простирающегося под нами обширного, глубокого, густонаселенного мира. Это мир, в котором обитает подавляющее большинство живых существ на Земле. К нему принадлежат и киты — пусть они дышат воздухом, как и мы, но свой век они проводят, прокладывая путь сквозь водную толщу.

В чем же кит видит смысл своего существования? Это необычайно серьезный вопрос, выводящий нас далеко за пределы зоны комфорта.

---

* Пер. Т. Щепкиной-Куперник.

Я уже чувствую, насколько мы уязвимы, находясь здесь, насколько зависимы от множества стихий. Наша открытая девятиметровая лодка перегружена снаряжением и людьми: четыре аспиранта, охваченных любопытством и жадой приключений, и с ними Шейн Геро. И еще я. Мы движемся на юго-запад через мелкие ветровые волны, которые становятся все сильнее. А наш капитан, Дэвид Фабиан, здоровенный кариб с дредами и зычным голосом, относится к здешним морям чрезвычайно серьезно. Мне определили место у наветренного борта, и вскоре я вымок до нитки. Я знаю, что капитан таким образом устраивает мне проверку, и я не собираюсь доставлять ему удовольствие, оборачиваясь и бросая на него хмурые взгляды. Мне случалось бывать в воде похолоднее и встречать людей похуже. Я думаю, если я сейчас вытерплю налетающие на меня соленые волны, это станет залогом, что дальше мы с капитаном поладим.

Тем временем Шейн кричит: «Мы и поверить не могли!» Меня окатывает еще одной волной, и он продолжает: «Тогда, в первый месяц, я действительно начал видеть в кашалотах личности. Это было совершенно потрясающе». Он рассказывает мне о его первом опыте здесь, в карибских водах у побережья Доминики.

Вскоре на нас налетает жутковатая на вид стая — несколько десятков больших птиц, размашисто и мощнодвигающих заостренными черными крыльями. Фрегаты. Научное название — великолепные фрегаты. Паря в воздушных потоках, они выглядят неприятно и даже зловеще, как пираты. Впрочем, сказать по правде, они и есть пираты. И они действительно неприятные. Хотя в великолепии им не откажешь.

А внизу, под этими крылатыми пиратами, воду прорезают черные плавники, похожие на дельфины. Мы останавливаемся. Одна из птиц зависает в воздухе и ловко выхватывает кальмара прямо из-под носа плывущих громадин.

Я не могу опознать, чьи плавники вспарывают море, разгоняя кальмаров, но Шейн определяет их с ходу. Род *Pseudorca*, малые косатки. Действительно, они куда меньше своих «настоящих» тезок.

Одна за другой малые косатки делают вдох и исчезают, и мы понимаем, что их здесь примерно два десятка. Длинное жирное пятно на воде подсказывает нам, что мы только что упустили возможность понаблюдать за весьма успешной охотой. Косатки лениво бороздят это пятно круглыми черными головами — точь-в-точь люди после плотного завтрака, которые совершенно не в настроении мыть за собой посуду.

Прежде чем мы пускаемся дальше, Шейн наклоняется ко мне со словами: «Поверь, это хорошо, что он тебя облил». — «Да, — киваю я, — знаю». — «Теперь он немножко успокоится».

И мы продолжаем. И он продолжает.

Тот, кого мы ищем, — это самое что ни на есть классическое морское чудовище: кашалот, архетипический кит из людских фантазий. Библейский Левиафан, проглотивший Иону, сокрушитель китобойного судна «Эссекс», неуловимая полумистическая добыча, что свела с ума капитана Ахава. И в древних мифах, и в реальной жизни, и в художественных вымыслах этот кит больше всех прочих поражает воображение. Почти никем не виданная, но всем известная своей свирепостью огромнейшая в мире зубатая тварь — и мы всеми силами ищем способ подобраться к ней как можно ближе.

Многие столетия люди видели в китах *воплощение* самых разных вещей. Они олицетворяли собой торговлю и труд. Приключение. Деньги. Опасность. Традицию и гордость. А еще свет и пищу. Они были сырьем, как железная руда или нефть, из которого можно производить много всего. И в силу этих причин киты воспринимались как добыча, мишень. Люди готовы были видеть в них все что угодно — кроме собственно китов. Чтобы видеть вещи такими, какие они есть, нужно смотреть на них честно.

Мы, сидящие в этой лодке, ищем подлинное существо, живущее своей подлинной жизнью. Лучше прочих млекопитающих приспособленные к обитанию в водной среде, киты ведут свое происхождение от наземных зверей, которые начали постепенное возвращение в море 50 миллионов лет назад. Научное название

китообразных, Cetacea, происходит от греческого слова, которое буквально означает «морское чудовище».

Кашалоты — единственные уцелевшие до наших дней представители семейства кашалотовых, *Physeteridae*, возраст которого насчитывает более 20 миллионов лет. Еще дюжина китов, когда-то принадлежавшая к этому семейству, давно канула в небытие. Левиафан — последняя струйка некогда мощного потока, который питал воды океанов на изобильной Земле в дочеловеческие времена.

Но сейчас, в эти дни, мы с ним оказались современниками. И я очень надеюсь, что в ближайшие недели, при немалом содействии Шейна, нам удастся сократить пропасть между нашими видами. Я настойчиво ищу встречи, которая позволит мне не только увидеть Левиафана своими глазами, не только понаблюдать за кашалотами, но и, отбросив все стереотипы, по-настоящему проникнуть туда, где они живут со своими семьями, дыша одним с нами воздухом на границе наших миров. Я понимаю, что жду чуда и для встречи с ним оказался в самом лучшем месте — на мокром твердом шарике, кружащем по третьей по счету орбите вокруг звезды под названием Солнце. Это место, где чудеса даются так легко, что мы частенько пренебрегаем ими. Да, знаю, в такое трудно поверить. Но мы продолжаем.

В нескольких километрах позади нас, в той стороне, где сейчас взбирается на небосклон солнце, изумрудной зеленью отливают крутые склоны вулкана. Древний остров Доминика дополняет дугу из нескольких вулканических островов, которые закрывают Карибское море своими западными берегами, подставляя восточные Атлантическому океану. На севере с Доминикой соседствует Гваделупа, а к югу через пролив виднеются вершины Мартиники. Их склоны, наверху заросшие джунглями, продолжают и под водой — океан словно подпирает эти острова своими синими плечами.

Кашалоты населяют более широкий и глубокий пояс планеты, чем любые другие существа, если не брать в расчет человека: они

бороздят Мировой океан от 60-го градуса северной широты до 60-го градуса южной, от самой поверхности воды до ее черных, холодных, давящих глубин. (Самки и молодой обычно не выходят за пределы 40-го градуса северной широты и 40-го южной.) Но людям кашалоты нечасто попадаются на глаза. Обитая в открытом океане, глубоко в его толще, они обычно держатся вдали от материкового шельфа и редко выбираются на мелководья глубиной менее 900 метров, что заставляет их держаться вдалеке от большинства побережий. Но дело не только в этом. Кашалоты могут покрывать больше 60 километров в сутки, ежегодно преодолевая расстояния в три с лишним десятка тысяч километров. Масштабы их обиталища — миллионы квадратных километров океана, в котором не остается никаких следов, — делают изучение кочевой жизни кашалотов почти невыполнимой задачей. Однако здесь, вблизи Доминики, большие глубины начинаются почти вплотную к суше, и потому это место — самое подходящее, где можно попытаться с берега добраться до кашалотов и записать их голоса.

По сути, Шейн очертил в океане блок водной толщи с ребром в 20 километров, сказав: «Нам предстоит изучать одних из самых крупных и скрытных в мире существ, когда они будут заходить в этот блок и покидать его». Он потратил кучу времени и усилий на свой весьма смелый проект. Возможность провала даже не рассматривается: ставки слишком высоки. И для Шейна, и для китов.

Едва мы достигаем первой точки, где нужно остановиться, нас накрывает легким дождем. Да, мы ищем Левиафана, но не глазами. Уж очень мала вероятность добиться успеха, просто мотаясь по морю и высматривая китовый фонтан, ведь из каждого часа кашалоты примерно 50 минут проводят под водой. Охота в черных холодных безднах где-то в сотнях метров под волнами, а также путь до этих глубин и обратно занимают около 80% всего их времени. Потому нам, как и самим китам, предстоит охотиться, пользуясь высокой акустической проводимостью воды. То есть полагаясь на слух.

Мы останавливаемся. Спускаем за борт гидрофон — водонепроницаемый микрофон для улавливания звуков под водой. Студенты Шейна отмечают координаты точки, состояние моря и погоды. Он передает мне наушники, и мы по очереди выслушиваем щелчки эхолота, которым от рождения наделен каждый кашалот.

Любой человек, встречавший в море дельфинов, мог слышать высокий свист или визг, с помощью которого они общаются между собой, проходя мимо лодки или пристраиваясь к носовой волне. Эти звуки не имеют отношения к эхолокации. Эхолокационные сигналы — всегда щелчки.

Кашалотов долгое время считали абсолютно молчаливыми. Описание их акустических сигналов было впервые опубликовано в 1957 году, и сделали это ученые¹. Китобойи, охотившиеся на кашалотов, никогда не слышали щелчков, которые они издают.

Я сейчас тоже не слышу никаких щелчков. Только плеск воды на поверхности. Через несколько минут мой мозг начинает отсеивать этот шум, и я начинаю вслушиваться в глубину. И тогда я действительно различаю чьи-то голоса. Какие-то писки, свисты — очень высокие и негромкие. Шейн говорит, что их, скорее всего, издают те самые малые косатки, которых мы видели еще там, где над нами парили фрегаты. Да, в воде звуки могут распространяться очень далеко. По словам Шейна, голос малых косаток похож на электронные сигналы, а у дельфинов звучит более естественно. Как и дельфины, косатки общаются между собой свистом и повизгиванием, а их эхолокационные сигналы звучат как серия щелчков — таких частых, что иногда они сливаются в сплошное жужжание.

Эхолокационные щелчки кашалота, которые мы пытаемся услышать, более размеренные: клик, клик, клик. Пока микрофон ничего такого не улавливает. В отличие от дельфинов, кашалоты и общаются тоже щелчками. Вообще, все известное разнообразие звуков, которые они издают, представлено щелчками, просто одни предназначены для эхолокации, а другие — для коммуникации.

Море — это подвижная мозаика течений и сдвигающихся по сезонам температурных границ. Вот почему обитатели открытого океана тоже все время находятся в движении, следуя за оптимальными для них температурами и, что гораздо важнее, за пищей. Вся их жизнь — это вечное странствие на колоссальные расстояния и погружение на невиданные глубины.

Тот, кто путешествует по океану под самой его поверхностью, не ощущает особых изменений, даже перемещаясь очень далеко, но, если опуститься всего лишь на 10 метров ниже, давление уже удваивается. А на глубине в 20 метров оно оказывается в три раза выше, чем на поверхности. Вода так жадно вытягивает из вас тепло, что без специального защитного костюма вы быстро замерзнете, а свет на этой глубине такой тусклый, что цвета становятся почти неразличимы.

И вода, и суша потрудились, создавая китов. Киты относятся к позвоночным животным, если точнее — к млекопитающим. Эволюция позвоночных началась в океане, но млекопитающие формировались в наземной среде, и лишь потом некоторые из них вернулись обратно в море, превратившись в китов. Все мы, позвоночные, унаследовали общий план строения от рыб, включая скелет, внутренние органы, челюстной аппарат, а также нервную, кровеносную, пищеварительную и прочие системы. Когда рыбы, покинув воду, вынесли эту базовую схему на сушу, над ней немало потрудились наземная гравитация и атмосфера, превращая зачаточные конечности в пригодные для ходьбы и полета ноги и крылья, а чешую — в перья и шерсть.

Но, когда млекопитающие начали обратный путь с суши в море, вода напомнила им о необходимости иметь плавники. Если взглянуть на передние конечности китов повнимательнее, по ним можно проследить всю историю этих животных: в сущности, они просто надели рукавицы на точно такой же набор костей, как и в моих пальцах, которыми я печатаю эти слова. Возвращаясь в море после миллионов лет наземной жизни, млекопитающие прихватили с собой и многое другое: дыхание с помощью легких,

умение вырабатывать внутреннее тепло и родительскую заботу о детенышах. И еще они не забыли положить в багаж острый интеллект и высокоорганизованную систему социального общения. Все эти полезные качества, приобретенные для обитания на суше, наделяют их обладателей колоссальными преимуществами при охоте на океанических существ. Содержание кислорода в морской воде меньше 1%, и для тех животных, которые дышат жабрами, это создает массу ограничений. Но воздух содержит 20% кислорода. Несмотря на новые приспособления для жизни в воде, киты и дельфины в полной мере остаются млекопитающими, и даже более того. Смышленные и общительные, вдыхающие насыщенный кислородом воздух, необходимый для быстрой и мощной работы мышц, эти темпераментные и чрезвычайно эффективные хищники образуют высшее звено пищевой цепи в своем мире, где они могут спокойно нагнать любую жертву и даже сделать вокруг нее несколько кругов.

Море дало вернувшимся в него млекопитающим два больших преимущества. Первое — скопления пищи. Для не самых крупных существ, населяющих бескрайние морские просторы, залогом безопасности может служить только многочисленность. Поэтому мелкие рыбы и кальмары держатся огромными, нередко миллионными скоплениями, каких на земле и не увидишь. Другое преимущество — высокая акустическая проводимость воды по сравнению с воздухом. Видимость в океане составляет в самом лучшем случае метров сто. На глубину всего в пару сотен метров от поверхности не проникает солнечный свет. Зато вода, чья плотность в 800 раз больше плотности воздуха, прекрасно проводит звук.

Во время охоты кашалоты издают эхолокационные сигналы с частотой примерно два щелчка в секунду, вот так: «Раз... и два... и...». Исследователи называют их щелчками, хотя на большом расстоянии они иногда звучат как раздельное тиканье, вблизи — как дробь кастаньет, а если подойти совсем вплотную — как стук сталкивающихся стальных шариков.

Вот одна из причин, почему сейчас Левиафана здесь нет: кашалоты недолюбливают малых касаток. И кашалотов можно понять. Океан — довольно опасное место. Они остерегаются настоящих косаток, избегают задиристых гринд и стараются держаться подальше от малых косаток, которые изводят молодняк, кусая китят за лопасти хвостового плавника — судя по всему, просто забавы ради. Сами кашалоты не считают это забавным. Они осторожны и не любят грубых шуток, а еще они всегда очень заботливы по отношению к детенышам.

Шейн сверяется со спутниковым навигатором, и мы направляемся к следующей точке. До нее около трех километров. Наше подслушивающее устройство способно уловить эхолокационные сигналы кашалота минимум за пять километров. Поэтому места наших остановок распределены так, чтобы полностью перекрывать все пространство. Если киты здесь, то мы их обязательно услышим. Если же их здесь нет — тишина даст нам знать.

Нам известно о китах столько, что этого хватило бы на множество книг. Однако мы чрезвычайно мало знаем о том, как они сами ощущают свой мир, как воспринимают собственную жизнь. Кашалоты и горбачи, косатки, афалины, стенеллы и немногие другие дельфины успели побывать объектами пристального изучения со стороны человека. Большинство же видов китов и дельфинов, населяющих жидкую толщу под выпуклыми синими горизонтами нашей планеты, остаются для нас почти совершенно неизвестными чужаками. И каждые несколько лет ученые обнаруживают новые, до сих пор неизвестные виды китообразных.

Так что возможность сблизиться с Левиафаном легче представить, нежели осуществить. Чем дальше от берега, тем сильнее качка, мокрее брызги — одним словом, никакого комфорта. Море вовсе не собирается облегчать нашу встречу с китами.

Но Шейн Геро не унимается. Атлетически сложенный красавец с мускулатурой пляжного спасателя, коротко остриженными каштановыми волосами и серо-голубыми глазами, он сочетает в себе

очарование дружелюбной открытости и пылливый рассудительный ум. Больше всего ему хочется понять две главные вещи: как кашалот узнает, кто он такой или кто она такая, и как он учит детей осознанию собственной идентичности. Ответы на эти вопросы откроют нам, каким образом у кашалотов формируется их исключительная семейная привязанность.

На второй точке прослушивания нас тоже ожидает тишина. Пока мы двигаемся к третьей, поверхность моря сплошь покрывается сияющими солнечными бликами. Далекий остров Доминика то проступает из-за нависших над ним облаков, то вновь скрывается из виду. Мы плывем все дальше с крепнущим ощущением, что где-то под нами скрываются тайны, неподвластные человеческому разумению. Наверняка так оно и есть.

Наша жужжащая мотором лодка вспугивает стайку летучих рыб, и одна из них падает прямо мне под ноги. Я люблю ее большими глазами, зеркальными боками, синим отливом спинки. Потом выбрасываю ее за борт.

Следом за рыбами на нас налетает невесть откуда взявшаяся большая белая птица с длинным хвостом — краснохвостый фаэтон. Отставать она не желает. Она знает, что наша бороздящая волны лодка способна выгонять из воды летучих рыб, понимает, что это может произойти, и расчетливо ждет.

Но мы ее разочаровываем. Птица глядит на нас сверху, я задираю голову, смотрю на нее и думаю: «Где же ты была пять минут назад? Мы вспугнули их множество».

Приближаясь к третьей точке прослушивания, мы натываемся на целый акр плавающих желто-зеленых саргассовых водорослей. Вылавливаем из них большое пластиковое полотнище. К самой нашей лодке подплывает небольшая стая дорадо — в темной воде этих рыб замечаешь прежде всего по их ярко-голубым грудным плавникам. С неоновыми плавниками и телом в форме весла длиной с мою руку, в ярких синих и желтых кляксах, словно их раскраши-

вал ребенок, дорадо, наверное, самая красивая из всей фантастической пестроты прочих рыб.

Третья остановка, и наш гидрофон снова погружается на проводе в жидкую оболочку планеты. Я слышу отдаленный гул мотора. Но погодите, этот мотор такой громкий...

Шейну почудились слабые щелчки. «Я не уверен...» — начинает он.

Теперь и нам удастся уловить едва различимые свисты, похожие на электронные сигналы. Шейн пока не может точно сказать, кто это. Меня же тонкости различения звуков и вовсе ставят в тупик.

Так, теперь что-то необычное... Сквозь плеск волн и далекий шум проходящего судна, сквозь подводные свисты прорывается новый звук. Щелчки.

Так щелкают кашалоты. Но и дельфины тоже так умеют. А мы как раз видим вереницу дельфинов, прошивающую бликующие на солнце волны.

Так чьи же это голоса?

Шейн вслушивается изо всех сил, прижав руки к наушникам и закрыв глаза, пытаясь отделить приглушенные расстоянием щелчки от других звуков океана. Чтобы отсесть часть лишних шумов, он погружает в воду направленный микрофон. В сущности, это тот же гидрофон, только помещенный в салатную миску и закрепленный на палке вроде черенка от метлы — импровизированная пародия на высокие технологии. Миска ограничивает сектор действия микрофона тем направлением, куда он обращен, прикрывая его от звуков, идущих с других сторон. Поворачивая палку, можно локализовать звуки. Это примерно как если бы мы прислушивались под водой, приложив ладонь к уху.

«Не близко. Точно не близко».

Я глядываюсь в рябую поверхность моря. Неясную, ослепляющую, волнующуюся на ветру. Уныло-безжизненную.

Шейн поворачивает палку с направленным микрофоном. Козырек низко надвинут, лицо сосредоточенное — он весь обращен

в слух. Наконец он сообщает: «Есть. Может, четыре. А может, и пять китов... — он делает паузу, продолжая поворачивать салатницу под водой. — Один к северо-востоку. Остальные к югу от нас».

Исполненные ожиданий, мы поворачиваем в южную сторону. Волнение здесь еще сильнее. Расстояние небольшое, но мы вымокаем с ног до головы. Шейну не нравится все время врезаться в налетающие на нас и окатывающие брызгами волны.

Этот день мы посвятили китам. Вернее, их поискам. И попыткам разобраться, кого мы нашли. День начинается с неясных щелчков, открывающих перед нами возможность раскрыть секреты кашалотов. Далеко отсюда, где-то на большой глубине, они вышли на охоту и с помощью щелчков определяют, что таится в темноте перед ними.

Левиафан обитает в мире звуков. И участвует в их создании. Киты почти постоянно слышат сигналы дельфинов, других китов и членов собственной семьи. Находясь глубоко под водой, они почти непрерывно издают и слушают эхолокационные щелчки.

Жак-Ив Кусто дал своей знаменитой книге название «В мире безмолвия»*. Красиво сказано — но не совсем справедливо. Море наполнено самыми разными звуками. Это призывы. Сообщения. Предостережения. Приветствия. Любовные песни. Переключки сородичей. А еще шум двигателей, выстрелы пневмопушек и прочий звуковой мусор. Поскольку плотность воды в 800 раз больше плотности воздуха, скорость распространения звуковых волн здесь в четыре раза выше, что делает толщу океана великолепной средой для акустического общения. Вот почему столь многие животные, от креветок до китов, овладели способами передавать друг другу звуковые послания посредством воды. Некоторые из них — раки-щелкуны, раки-богомолы, а возможно, и кто-то из дельфинов — научились использовать звук в качестве шокового оружия. Так как в вертикальных срезах толщи океана плотность воды заметно варьирует в зависимости от ее температуры и солености, такая слоистая структура создает

---

* Кусто Ж.-И., Дюма Ф., Даген Д. В мире безмолвия. — М.: Знание, 1966.

особые условия для распространения звуковых волн: «правильно настроенный» сигнал может многократно отражаться от границ этих слоев и распространяться на большие расстояния, примерно как радиосигналы передаются с одного ретранслятора на другой. Вот почему синие киты и финвалы, издающие самые низкочастотные звуки, могут поддерживать акустическую связь друг с другом и путешествовать «вместе», даже находясь на удалении в сотни километров один от другого. Так что океан — отнюдь не тихое место: он весь пронизан звуками.

Эхолокационный сигнал кашалота — самый мощный направленный звуковой сигнал, который способно издавать живое существо. Интенсивностью около 200 децибел, это один из самых громких звуков в мире. Кашалоты концентрированно выбрасывают энергию, направляя ее перед собой. Нашим прибором такой сигнал можно засечь на расстоянии в пять километров в любом направлении от кита; это означает, что он в буквальном смысле заставляет вибрировать несколько кубических километров морской воды, создавая вокруг себя своего рода энергетическую оболочку — огромную сферу, пронизанную звуковыми волнами.

Эхолокационные щелчки кашалота обладают такой мощностью и проникающей способностью, что, по сути, эти животные могут видеть некоторые вещи насквозь, как в рентгеновских лучах. Люди, находящиеся в воде рядом с кашалотами, иногда чувствуют, как их в прямом смысле сканируют быстрыми сериями хорошо слышимых щелчков, которые ощущаются как вибрация. Об одном осиротевшем, ослабленном и почти умирающем китенке с пневмонией, выбросившемся на берег, Ричард Эллис написал: «Он издал такой громкий “хлопок”, что мою руку просто сбросило с его носа»².

Мы останавливаемся. Шейн снова опускает в воду направленный гидрофон и тут же докладывает: «Немного севернее».

Сердце у нас начинает биться быстрее. Это уже похоже на охоту.

Через несколько километров уверенного движения на север мы глушим мотор. И теперь я четко и ясно различаю звук: как будто кто-то размеренно постукивает ногтями по столешнице.

Кашалоты. На этот раз точно они. Но мы слышим их очень недолго. Постукивание смолкает. Почему?

«Должно быть, они всплывают».

Когда кашалоты прекращают охоту, они перестают издавать эхолокационные сигналы и просто начинают долгий подъем наверх, к солнцу, чтобы вдохнуть.

Шейн уверяет, что, поскольку времени с момента прекращения щелчков прошло уже много, мы вот-вот увидим на поверхности фонтан хотя бы одного кашалота. Но на исчерченной ослепительно-белыми полосами поверхности океана, бликующей, как дискотечный зеркальный шар, можно не заметить даже кита.

Мы вглядываемся в волны до боли в глазах, высматривая среди бликов свидетельство китового дыхания. Лодку болтает. Море волнуется. Вода невыносимо сверкает.

Наушники дают знать, что слабые, далекие щелчки доносятся откуда-то с северо-востока.

«Надо же, как широко они разошлись сегодня», — замечает Шейн.

Но киты без труда слышат друг друга. А для них слышать членов своей семьи означает «быть вместе».

«Так, хорошо, — командует Шейн. — Двигаемся на северо-восток, попробуем засечь основную группу. Посмотрим, кто там есть».

В детстве Шейн был из тех мальчишек, что выращивают в бассейне головастика и наблюдают, как гусеницы превращаются в бабочек. В восемь лет он решил, что хочет стать морским биологом. А в 20 лет он впервые увидел кита. Это зрелище так его потрясло, что он написал по электронной почте письмо самому передовому исследователю кашалотов, Хэлу Уайтхеду. Последовали долгие недели ожидания — а потом Уайтхед ответил, и жизнь Шейна перевернулась.

До того как Шейн и Уайтхед впервые вышли в море в этих краях, уже ходили слухи, что возле Доминики обитают кашалоты-«рези-